

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2015-2016 уч.г.
Задания очного этапа
Литература
9 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературоведческих терминов. Вам предлагается начало словарной статьи. Закончите ее, стараясь раскрыть суть литературоведческого термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

Путешествие – жанр художественной литературы, в основе которого лежит описание реального или мнимого перемещения в достоверном или вымышленном пространстве путешествующего героя (чаще героя-повествователя). В мировой литературе.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте отрывок из статьи В.А. Жуковского «О нравственной пользе поэзии». Представьте себя в одной из ролей НА ВЫБОР: а) А.С. Пушкина, б) Н.В. Гоголя, в) Ф.И. Тютчева — и напишите ПИСЬМО-ОТВЕТ В.А. Жуковскому, обосновывая отношение к его позиции с учетом избранной роли, привлекая необходимые историко-литературные факты и отсылая к произведениям избранного вами автора. *Рекомендуемый объем письма — 6—8 предложений.*

«Способность представлять живо отсутственные предметы, давать им посредством воображения бытие, совокуплять несходные, часто далекие одна от другой идеи, сильнее других трогаться всем тем, что может быть согласно с естественными склонностями человеческого сердца, словом: мечтательность, дар воображать, остроумие, тонкая чувствительность — вот истинные качества стихотворца! Красоты, которые производит гений, одаренный сими необыкновенными силами, не могут иметь влияния на читателя, если в душе его не будут пробуждены ими те же самые силы. В мире духовном замечается такое же точно соотношение между различными силами, как и в мире физическом; приведите в движение одну, все другие, с нею сходные и к ней близкие, пробудятся, придут в сотрясение, начнут действовать, и так как в природе ничто не прекращается вдруг, не оставляя по себе следствий, более или менее ощутительных, то и сие движение никогда не бывает совершенно бесплодным для движимых сил; деятельность, как в физическом, так и в моральном мире способствует к усовершенствованию действующей силы: действуя теперь, становится она способнее действовать после.»
(В.А. Жуковский. О нравственной пользе поэзии, 1809).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли составителя сборника избранных произведений «"Я мечтаю о том, чего нет ..." Герой-мечтатель в литературе». Укажите имена авторов и названия произведений, которые вы включили бы в этот сборник; кратко обоснуйте свой выбор и логику расположения произведений в сборнике (если вы планируете выделять в сборнике разделы, придумайте им названия). Напишите небольшую вступительную заметку «К читателю», которая могла бы предварять сборник. *Рекомендуемый объем вступительной статьи — 10—15 предложений.*

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного прозаического текста.

Выполните Задание 4 в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
--

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ
«ЧУТЬ-ЧУТИ»

I

Служу, вот уж седьмой год на исходе, в кабинете судебной экспертизы, по отделу графического анализа. Работа требует тщания и извостренности глаза. Кипы на кипы: на службе не управляюсь, приходится брать на дом. Работаю все больше над фальшивыми духовными, подложными векселями, вереницей поддельных подписей. Беру человеческое имя: вымеряю угол наклона, разгон и округлость букв, уклоны строк, вывожу среднее, сравниваю силу нажимов, фигурацию росчерков – градуирую и изыскиваю запрятанную в чернильные точки, в выгибы и выгибы буквы – ложь.

Работать приходится чаще всего с лупой: и под прозрачностью стекла правда почти всегда разбухает в мнимость. Подложно имя: следовательно, подложен и носитель имени. Подделен человек: значит, фальшива и жизнь.

От устали – перед глазами плывут цепи мутных точек, а контуры вещей качаются. Да, работа у нас трудная, кропотливая и, пожалуй, излишняя: нужно ли мерить углы букв, стоит ли считать чернильные точки, когда и так ясно: все они – фальшиволицы, лжемысленны и мнимословны. Под живых. «Что подделываете». Почему не «что подделываете»: подделывают любовь, мысль, буквы, подделывают самое дело, идеологию, себя; все их «положения» – на подлоге. А их так называемый брачный подлог, то есть нет – полог: выдерни из слова букву, из смысла малую неприметность, отдерни полог-подлог, и там такое...

Не люблю ни своей глупой, в синие обойные лотосы, комнаты, ни своего узкого застегнутого в платье тела, ни себя, запрятанного от себя: и начни я растаскивать «я» по точкам, как вот этих, в портфеле, то... но не надо.

Раньше я пробовал уйти в работу – до боли в мозгу, до мутной ряби в глазах: лишь бы не думать. Теперь и этого нельзя. После того, что приключилось – неожиданно и внезапно.

Было воскресенье. Я проснулся несколько позднее обычного. Утро – все пронизанное ясною. Морозные звезды на стеклах. У порога, на коричневой половине – желтые зайчики. За окном скрежет шарманки. Все, как вчера, до последнего блика и пятнышка, и вместе с тем все будто в первый раз: те же параллели щелей меж половиц; тот же портфель, книги на столе, то же истертое кресло и шкаф, все есть, где было, –

лишь нет на старом месте самого ТОЖЕ: затерялось ТОЖЕ – и все, под налетами новых смыслов, чуть сдвинуто, еле отклонено и странно ново.

Но время у меня на счету: вексель, выставившись белым углом из портфеля, ждал. У нижнего края – подпись. Накануне весь вечер провозился я с ее буквами: по видимости – углы, нажимы, выгиб росчерка – все подлинно; по сути, чую, все лживо, поддельно. И буквы весь вечер мучили меня, выскальзывая из анализа. Теперь с утра работа пошла успешнее: у конечной буквы бумажный глянец снят: подчистка. Ага. И еще: на улитке росчерка – малое тускляющее пятнышко. Так. Я взял лупу и приблизил стекло и глаз к строке: прямо против глаза под выгибом лупы – стоял крохотный, в пылинку ростом (если учесть увеличение), человечек: человечек не обнаруживал ни малейшего испуга, голова в точку была гордо поднята вверх в прозрачный купол лупы, а еле зримая рука его учтиво салютовала в сторону моего глаза. Казалось, существо в пылинку хотело мне что-то сказать: я убрал стекло и, пригнув голову к столу, осторожно накрыл своей ушной раковиной незнакомца: сначала в ухе что-то смутно шуршало и копошилось, цепляясь за волосики, потом шуршание стало внятным. Прозвучало:

– Я, король ЧУТЬ-ЧУТЕЙ, покоритель Страны ЕЛЕ-ЕЛЕЙ и прочая, прочая, приветствую вас, Ваша ОГРОМНОСТЬ, в вашей бумажной стране синих лотосов и прошу гостеприимства мне и моему народу странствующим и гонимым чуть-чутей. Благоволите предоставить под территорию – поверхности вашей кожи, рукописей, книг и прочих угодий. И если...

Оторвав ухо от стола, я приготовился отвечать, но первыми же толчками моего голоса короля чуть-чутей сваяло прочь, и я долго должен был шарить лупой по столу, пока его величество не отыскалось; оно, опрокинутое на спину, проворно встало на ножки и отряхивало смятое платье. Тогда я изловчился: прикрыв собеседника опять ушною раковиной, я заговорил шепотом и в сторону, стараясь не сдунуть высокого посетителя.

– Приветствую вас, – сказал я, – Ваше Чуть-Чутество. Листы моих рукописей, выгибы, выгибы и обрезки книг, переплеты, закладки, щели, обойные цветы, кожи картин и моя собственная эпидерма – предоставляются в полное ваше распоряжение. В награду прошу об одном: принять и меня в подданство чуть-чутева царства.

В ухе опять зашуршало:

– О, Ваша Непомерность, ваши заслуги нам ведомы: и вы, и ваше перо много потрудились, служа великому делу еле-елей и высоким идеалам чуть-чутества. Поэтому жалую вас званием первого вассала бессмертного и благородного царства чуть-чутей, дарую сан первого чутя, союз и привилегии и повелеваю всему моему народу служить вам, как мне, пока буду жив и неприкосновенен здесь, в моем новом феоде. Эй!

Шорохи сбежавшихся чуть-чутей тотчас же наполнили мое ухо; щекоча кожу, они толпами протискивались на зов своего повелителя, под края моего уха.

– Принять феоде, – продолжал король, – картины по числу мазков, книг – побуквенно, рукописи – поточечно. Взять на учет все пылинки и пылины. Еле-елям, по демам и филам, расселиться на обойных цветах; старейшинам и сенату отвести теплые печные щели. За работу. Подсчитать ресницы на веках Его Огромности: на каждую по дежурному чуть-чутю. Два наряда знатных еле-елей в правое и левое ухо Его Огромности. А вы, вассал и брат мой, благоволите разрешить в ознаменование дня и встречи этот вот подложный росчерк, на котором стою, преобразить в подлинный и амнистировать несчастного: эй, букводеры, сюда – оподлиннить.

И король, чуть царапнув короной о мочку моего уха, проследовал по черной линии росчерка, как по подостланному ковру, в окружении свиты и эскорта.

Изумленный, поднял я голову; оглядел стены, пол, потолок: ничего будто и не изменилось, и все было преобразенным и новым: мертвые, глупо-синие лотосы чуть шевелили коричневыми обводами, одеваясь в игру бликов и маячащих теней; по мерзлону стеклу ползли стеклистые узоры; льдистые звезды сыпали синими и белыми искрами; мазки картин, приподняв прижавшую их толщу стекла, тронутые невидимыми кистями, показывали новые краски и линии, слова, вертикально запрокинутые на корешках книг – чуть-чуть, на еле-мысль сдвинулись вдоль по своим смыслам, ширя щели в иные невнятные миры.

Вдруг черная точка мелькнула у моего левого зрачка: вероятно, один из дежурных чуть-чутей сорвался с моей ресницы. Ясно, они поспели уже и сюда, потому что стоило мне поднять ресницы кверху и все исчезало, возвращаясь во вчера: зацветающие лотосы опять мертвели намалеванными кляксами; вещи окаймлялись обводами, и во всем зримом и слышимом будто защелкивалась тысяча замков, запиравших их снова в мертвь и молчъ.

Но стоило сощурить глаза, и сквозь ресницы опять гляделись и реяли новые миры. Взглянул на вексельную подпись – сначала простым глазом, потом сквозь чечевицу стекла. Сверил с подлинной: штрих в штрих. Обмакнул перо и проставил в акте: «...А посему подпись в тексте за № 1176 полагал бы нужным признать как собственноручную и подлинную».

Сердце весело кувырчалось в груди. Я подмигнул разлегистому грешному росчерку: опять зазевавшийся чуть-чуть, сорвавшись с ресницы, мелькнул у зрачка.

– Тяжелая служба, – засмеялся я.

Солнце тоже: весело продергивало оно желтые нити меж примерзших к окну лучей и звезд.

– Амнистия всем, – шептал я радостно и освобожденно, – амнистия всем поддельным, фальшивым, подложным, мнимым и неверным. Буквам, словам, мыслям, людям, народам, планетам и мирам. Амнистия!

А за окном шарманочный вал все еще ползал на стертых штифтах, кружа на оси какие-то медные скрежеты, – но в ухе уже расхлопотались чуть-чуту: скрежеты преобразались в нежную мелодию, обрастали призвуками и обертонами, не слышимыми другим, не принятым в подданство чуть-чутева царства.

Захотелось наружу, к скрещениям улиц и к встречам людей с людьми. Я рванул дверь и, скользя рукой по перилам, стал быстро спускаться к дну узкого лестничного колодца. Было темно: расширив глаза, я не примечал ничего нового. Но вдруг на одной из площадок распахнулась, полоснув светом, дверь. Сквозь невольню сощурившиеся веки я увидел женщину, в нерешительности остановившуюся на пороге. Вспомнилось: мы уже встречались не раз у дома, в воротах и здесь же, на лестнице: это была некрасивая, веснушчатая, с прядями белесых зачесанных за уши волос, девушка: должно быть, швея, машинистка, не знаю; при встрече всегда в сторону и к перилам, вероятно, стыдясь и заношенного платья, и блеклого своего лица. Обычно мне лень было хотя бы взглянуть на нее, но сейчас, о, сейчас, чуть-чуту, дежурившие у зрачков, честно делали свое дело: дурнушка, ну да, конечно, такая же, как и вчера, но чего же так растучалось сердце; дурнушка, но отчего же вдруг кровью о мозг?

Она стояла, прижав стертый башмачок к порогу, и в лице, охваченном солнцем, возникало и никло что-то милое-милое, в белую проступь и сквозистые тени одевшее овал щеки и беспомощную ямку на тонкой, слабой, стеблем поднятой шее. Секунды, а там дверь закрылась, запахнув свет, и я механически продолжал искать ступнями ступени. Дальше и дальше – по затоптанному кирпичу улиц, навстречу новой, будто вот-вот рожденной жизни: то, что вчера было просто «снег», стало теперь мириадами чуть

приметных, но примечательных льдистых кристаллинок; протертые тряпками окна смотрели осмысленно, как глаза проснувшихся людей; сонмы неприметностей, спрятавшихся и выскользавших всегда из сознания, глянули и выступили наружу из вещей, шагающие вертикали тел, кружения спиц, скольз и скрип полозьев, рванные ветром слова, запрятанные в вату и мех руки, ноги, жесты, игра морщин и бликов – вдруг высвободились, стали зримы и вняты. И во мне все было по-иному: мириады еле различимых мыслей терлись изнутри о лобную кость, в сердце прорастали завязи предощущений и замыслов. Тысячи чуть-чутей, вероятно загнанных морозным воздухом в поры моей кожи, дергали за жилки и капилляры, возились в путанице нервных нитей, рождая в моем теле новое, неожиданное тело. От волнения ноги у меня чуть дрожали. Я прислонился спиной к футовым буквам афишного цилиндра и шептал странные мне самому слова. Лишь чуть-чутям, окружившим мои губы, они могли быть слышны.

– Клянусь, – шептал я, – о, клянусь служить жизнью и делом властителю моему королю страны Чуть-Чутей и всему славному его народу. И если, вольно ли, невольно ли, нарушу клятву, то... да будет мне смерть.

И в ушах у меня прошуршало: аминь.

II

– Разве только так, на минуту...

Стоптаный кривоносый башмачок заколебался на пороге моей комнаты.

– Хотя бы. Я умею обращаться и с минутами.

Она оперлась ладонью в стол, прищурившись на бумажные вороха, разбросанные повсюду. Помню, по взгляду, по внезапно поднявшимся бровям было видно: заметила – мы не одни. Оробела. Мы молчали: о, тут я узнал удивительную технику чуть-чутей, работавших по тишинной части: как мастерски они владели клавиатурой тишины; как тонко изучили хроматизм от несказанности к несказанности; как, работая над музыкой тишины, ловко модулировали ее тональности – из молчания в молчь, из молчи в безглагольность.

Пальцы гости, прижавшись к доске стола, ждали: сначала я взял их за короткие ноготки, потом овладел кистью, а потом и худые локти задрожали в моих ладонях, а там плечи коснулись плеч и губы, разжав губы, искали обменяться: дыханиями, душами, духом.

Сердце стучало о сердце. Ресницы наши спутались, роняя слезы. Еще мгновение и... и вдруг я увидел у самого глаза – грязно-рыжее пятнышко; рядом другое: веснушки. Блеклая, в черные точки пор, под жировым налетом, кожа; беловатый прыщ на выступе скулы. Пузырчатая налип пены на дрожащей губе.

В недоумении, почти в испуге, я отодвинулся назад, смотрел: дурнушка, обыкновенная дурнушка, та вот, что часто встречалась у ворот, на улице, в лестничном колодце; под дряблой кожей рыбы кости ключиц, узкие и короткие щели слезящихся глаз; щуплое длиннорукое тело в заутюженном платье-чехле.

– Милый...

Но я ступил шаг назад:

– Простите. Бога ради. Это недоразумение...

Ее как ветром качнуло: рыбы кости заходили в узком вырезе платья, будто пробуя прорваться сквозь кожу. И она пошла – коротким спотыкающимся шагом, как если бы путь к порогу перегородило сотней порогов.

Дверь закрылась. Я оглянул комнату: обои – опять в мертвых синих пятнах, вокруг пятен коричневый обвод; на стеклах – расползшиеся радиусами врозь ледышки; на сто-

ле – портфель, набитый поддельными именами. Но чего же смотрят чуть-чуть? Или они заленились, уснули там на своих постах? Не может быть. Я схватил лупу и стал шарить стеклом по бумажным листам и столу: всюду, куда я ни вел стеклом, копошились крохотные, в пылинку, человечки. Я было обрадовался, но вскоре стало заметно: народец чуть-чутьей как-то странно взволнован и обеспокоен. Вглядываясь пристальней, я увидел: все они – точечными россыпями толп – собирались к одному месту: у края стола. Я приблизил лупу: на влажном пятнышке, поперечником в два-три миллиметра, вероятно, оставшимся от успевшей всосаться в ворсинки скатерти капли, лежал, неподвижно распластавшись, чуть-чуть. Я вгляделся еще пристальней, – и вдруг стекло задрожало в моих пальцах: на влажных ворсинах черной скатерти лежал мертвый король чуть-чутьей. Сразу мне стало ясно все: очевидно, повелитель чуть-чутьей, желая, по благодати и любви своей ко мне, лично руководить моим счастьем, в решительный момент поместился на одной из моих ресниц, но был смыт слезой и утонул, захлебнувшись соленой влагой.

Я взялся еще раз за лупу: вокруг синего вздувшегося трупика накапливались и накапливались новые толпы. Листы бумаг выгибались и шуршали под налетами отовсюду сбегавшихся чуть-чутьей. Зловещие шелесты и угрожающие шорохи росли и росли над смыкавшимися вокруг меня роями растревоженного и озлобленного народа. Я схватил со стола пресс-папье и занес его над столом. И тотчас понял всю бесполезность борьбы: ведь чуть-чутьи повсюду – ими полны мои глаза, уши, вероятно, они успели пробраться и в мозг. Чтоб истребить их всех, до последнего, надо проломать самому себе голову. Выронив пресс-папье, я бросился к порогу. Толкнул дверь. Да, я, глупо-большое, саженное существо, бежал от незримых чуть-чутьей.

Всю ночь я пробродил по пустеющим улицам. Чувствовал: пустею и сам. Улицы разбудило рассветом. И меня. Я вспомнил слова клятвы: «...и если вольно или невольно...» Дома закачались в моих глазах. Быстрым шагом я возвращался к себе.

В комнате тихо и пусто: да, когда чуть-чутьи хотят отомстить, они лишь покидают осужденного. Этого достаточно: тому, кто был хоть миги с ними, как быть без них?

Ведь у лотосов в коричневых обводах – только нарисованная жизнь. И мерзлым звездам на стекле – рано или поздно – истаять от солнца.

Весь день работал: над этим вот. Кончаю: написанному в портфель. И мне: в черный глухой портфель; защелкнется – и ни солнц, ни тем, ни болей, ни счастлих, ни лжей, ни правд.

1922

Количество баллов: 20.